

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

С. ДЖ. УОТСОН

ПРЕЖДЕ

ЧЕМ

Я УСНУ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
У 65

S. J. Watson
BEFORE I GO TO SLEEP
Copyright © 2011 by Lola Communications
This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Александры Финогеновой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-17593-8

© А. С. Финогенова, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Посвящается моей матери и Николасу

Я родился завтра,
сегодня я живу,
вчерашний день убил меня.

Парвиз Озия

Часть первая
СЕГОДНЯ

Я только что проснулась в чужой спальне. Я не понимаю, где я, как здесь очутилась, и пока не представляю, как доберусь домой.

Так... Понятно. Я провела здесь ночь. Разбудил меня женский голос. Сначала я подумала, что лежу в постели с женщиной, но потом сообразила, что это диктор читает новости, затем услышала радиобудильник, а когда открыла глаза, то увидела, где нахожусь. В совершенно незнакомой комнате.

Глаза привыкли, можно осмотреться; вокруг еще темно. На двери шкафа висит халат, вроде бы женский, но явно не для моего возраста; темные брюки аккуратно перекинуты через спинку стула возле туалетного столика; остальное не разглядеть. Будильник выглядит мудрено, но, кажется, я нашла нужную кнопку. Все, стало тихо.

Только теперь я слышу за спиной чье-то сопение и понимаю, что я в кровати не одна. Голое плечо, темные волосы с сединой. Это мужчина. Его левая рука лежит поверх одеяла, на безымянном пальце я замечаю обручальное кольцо. Я с трудом подавляю стон. Господи, он не только старый, но еще и женат! Мало того что я переспала со стариком, так еще в его собственном до-

ме на супружеском ложе. Я откидываюсь на спину, надо успокоиться. Какая же я дрянь!

Интересно, где его жена? Может, пора сваливать, чтобы не напороться на истерику? Так и вижу — стоит тетка в дверях и визжит: «Шлюха, шлюха... Змея, тварь продажная!» Не представляю, как я буду защищаться, если она появится, да и смогу ли. Впрочем, непохоже, чтобы мой любовник был обеспокоен. Вот повернулся на другой бок и храпит.

Я лежу почти не дыша. Обычно в таких случаях я помню, что произошло накануне, но на этот раз полный туман. Наверное, была вечеринка, а может, мы завалились в бар или клуб. Должно быть, я жутко надралась. До такой степени, что абсолютно ничего не помню. До такой степени, что отправилась домой к мужчине с волосатой спиной и обручальным кольцом на пальце.

Я осторожно откидываю одеяло и сажусь на самый край кровати. Мне нужно в туалет. Тапочки, стоящие рядом, я не надеваю: знаете, трахаться с чьим-то мужем — это одно, но влезать в чужую обувь — ни за что на свете! Босыми ногами ступаю на пол. Я совершенно голая, поэтому немного боюсь войти не в ту дверь, наткнуться на соседа или на сына-подростка, но, к счастью, вижу ванную, дверь открыта настежь. Я захожу и запираюсь изнутри.

Спускаю воду в туалете, поворачиваюсь к раковине, чтобы вымыть руки. Тянусь за мылом... Нет, что-то не так. Поначалу я даже не понимаю, в чем дело. Я вижу совершенно незнакомую руку. Кожа на руке морщинистая, пальцы толстые. Неухоженные, обкусанные ногти — и... надо же, на пальце точно такое же простое обручальное кольцо, как у мужика в постели.

На секунду я остолбенела, потом пошевелила пальцами. Ой, пальцы, которые держат мыло, тоже шевелятся. Я вскрикиваю, мыло падает в раковину. Поднимаю глаза к зеркалу.

Оттуда на меня смотрит чужое лицо. Жидкие волосы, стриженные намного короче, чем я люблю, щеки и кожа под подбородком обвисли, тонкие губы опустились уголками вниз. Я едва сдерживаю вопль животного ужаса — и наконец вижу глаза. Вокруг них морщинки. Но я безошибочно понимаю: да, это мои глаза. В зеркале я вижу саму себя, только старше лет на двадцать. Нет, на двадцать пять. Или больше.

Этого не может быть. Меня трясет, я хватаюсь за раковину. Невольный крик подкатывает к горлу и вырывается сдавленным всхлипом. Я отступаю назад, подальше от зеркала, и только тут замечаю фотографии, прикрепленные к стене и к зеркалу. Одни — желтым скотчем, другие — бумажными стикерами, влажными, старыми, с загнутыми концами.

Мой взгляд падает на одну из фотографий. Она подписана «Кристин» — стрелка указывает на меня новую, то есть старую: я сижу на скамейке на набережной рядом с каким-то мужчиной. Имя мне знакомо, но как-то смутно, словно я должна «через силу» поверить, что это я. На снимке мы оба улыбаемся, держась за руки. Мой спутник видный, привлекательный, и, присмотревшись, я понимаю, что это тот самый мужчина, рядом с которым я проснулась, который так и спит в постели. Рядом подпись: «Бен» — и дальше: «Твой муж».

Я ловлю ртом воздух и хватаюсь за стену. «Нет! — проносится в голове. — Нет, этого не может быть!» Я быстро пробегаю глазами по остальным снимкам. На всех мы с ним вместе. Вот я в каком-то безвкусном пла-

тье снимаю упаковку с подарка, вот мы вдвоем в одинаковых ветровках стоим на фоне водопада, а у наших ног возится собачка. А вот я сижу с ним рядом, потягивая апельсиновый сок, в том самом халате, что видела в спальне.

Я продолжаю пятиться, пока не упруюсь спиной в холодную кафельную стену. И в этот миг у меня в голове пронесется нечто похожее на воспоминание... Я пытаюсь ухватить его, но оно улечивается, как пепел на ветру. И тут я осознаю, что в моей жизни существует «тогда», «до», хотя я не могу сказать до чего, и «теперь», а между ними — лишь бездонная, безмолвная пустота, которая и привела меня сюда, в этот дом, к этому незнакомцу.

Я возвращаюсь в спальню. В руке у меня как улика одна из фотографий: на ней я вместе с мужчиной, рядом с которым проснулась.

— Что это значит?! — кричу я, слезы ручьем текут по лицу; мужчина садится в постели, глаза полуприкрыты. — Кто вы такой?

— Я твой муж, — произносит он сонным голосом, не обращая внимания на мою наготу; на лице ни тени волнения. — Мы женаты много лет.

— Что вы такое говорите? — Мне хочется бежать без оглядки, но некуда. — Лет? Каких еще лет?

Он встает с кровати.

— Держи. — Подает мне халат и ждет, когда я оденусь; на нем пижамные штаны, которые ему явно велики, и белая майка. Он смутно напоминает мне отца. — Мы поженились в восемьдесят пятом. Двадцать два года назад. Ты...

Я не даю договорить:

— Что?! — Кровь приливает к лицу, комната начинает кружиться. Тиканье часов где-то в доме отдает ударами молота. — Но... — (Он делает шаг мне навстречу.) — Как же?..

— Кристин, тебе сорок семь лет.

Я смотрю на него, и этот незнакомый мужчина мне улыбается. Я не хочу ему верить, я не хочу даже слышать, что он говорит. Но он продолжает:

— С тобой произошел несчастный случай. Очень серьезный. Ты получила травму головы. И теперь не можешь вспомнить многие вещи.

— Какие вещи? — говорю я. — Что, за все двадцать пять лет?!

Он делает еще один шаг, приближаясь ко мне, как к испуганному животному.

— Да почти всю жизнь, — говорит мужчина. — Ты помнишь себя лет до двадцати. А порой и того меньше.

В голове ураган, проносятся какие-то цифры, даты... Мне не хочется задавать этот вопрос, но я понимаю, что должна:

— Когда... Когда это случилось?

Он смотрит на меня, на его лице смесь сострадания и отчаяния.

— Тебе было двадцать девять...

Я закрываю глаза. Сознание отказывается воспринимать эту информацию, но где-то в глубине души я знаю, что это правда. Сама того не желая, я вновь начинаю плакать, и он, этот Бен, тоже. По-прежнему стоя на пороге, я слышу, как он приближается. Вот он совсем близко, и я не отталкиваю его, когда он обнимает меня и крепко прижимает к себе. Мы стоим обнявшись и тихонько покачиваемся, и это движение какое-то родное. Мне становится немного лучше.

— Я люблю тебя, Кристин, — говорит мужчина.

Я знаю, что должна сказать: «И я тебя», но не могу. Я ничего не говорю. Какая тут может быть любовь? Он мне чужой. В голове хаос, нужно столько всего понять. Например, как я здесь очутилась, как живу изо дня в день? Но я не знаю, как спросить.

— Мне страшно, — говорю я.

— Знаю, — отвечает мужчина. — Знаю. Не волнуйся, Крис. Я с тобой. Я всегда буду с тобой. Все будет хорошо, поверь мне.

Он предлагает мне осмотреть дом. Я почти успокоилась. Надеваю короткие спортивные штаны и старую футболку, а он накидывает мне на плечи халат. Мы выходим на лестничную площадку.

— Ванную ты уже видела, — говорит он и открывает еще одну дверь. — А вот кабинет.

В комнате стеклянный стол, на котором стоит вроде бы компьютер, но до смешного маленький, похожий на игрушечный. Рядом металлический шкаф с ящиками, прямо над ним — доска для записей. Все в полном порядке, на своих местах.

— Время от времени я здесь работаю, — говорит Бен и закрывает дверь.

Мы пересекаем лестничную площадку, и он открывает другую дверь. Кровать, туалетный столик, шкафы с одеждой. Комната почти в точности повторяет ту, в которой я проснулась.

— Ты иногда спишь здесь, — говорит Бен. — Когда тебе хочется. Но вообще-то, ты не любишь просыпаться в одиночестве. Ты не понимаешь, где находишься, и пугаешься.

Я киваю. Ощущение, будто я пришла осматривать квартиру, которую собираюсь снять. А это мой будущий сосед.

— Пойдем вниз.

Я иду за ним. Он показывает гостиную, коричневый диван и такие же кресла, плоский экран на стене (он мне объясняет, что это телевизор), затем столовую и кухню. Я абсолютно ничего не узнаю. Даже когда вижу нашу с ним фотографию в рамке на стене.

— У нас там сад, — сообщает Бен, и я пытаюсь что-то рассмотреть сквозь стеклянную дверь, ведущую из кухни наружу.

Только-только светает, ночное небо становится чернильно-синим, и я различаю лишь огромный силуэт дерева и подобие навеса в дальнем конце небольшого сада. Я вдруг понимаю, что не знаю даже, в каком уголке планеты нахожусь.

— А где мы живем?

Он стоит позади меня. Я вижу наши отражения в стекле. Я. Мой муж. Оба не первой молодости.

— В Северном Лондоне. Крауч-Энд, — отвечает он.

Я невольно делаю шаг назад:

— Господи! Я даже представления не имею, где живу...

— Ну-ну, успокойся. — Он берет меня за руку. — Все уладится.

Я резко поворачиваюсь к нему, жду, что он сейчас объяснит, как именно все уладится.

— Сделать тебе кофе?

Меня передергивает от неожиданности, но я отвечаю:

— Да, спасибо. — (Он наливает в чайник воды.) — Черный, без сахара.

— Я знаю, — улыбается он. — Может, тост?

Я соглашаюсь. Должно быть, он много знает обо мне, но мне все равно кажется, что я проснулась в чужом доме и собираюсь завтракать с незнакомцем в надежде улучшить удобный момент, чтобы попрощаться и поехать домой.

Все так, да не так. Похоже, это действительно *мой* дом.

— Я, пожалуй, присяду.

— Тогда иди в гостиную, там удобнее, — говорит Бен. — Я сейчас сам все принесу.

Я послушно иду.

Почти сразу появляется Бен. Дает мне скрап-альбом.

— Это твой альбом. Наверняка поможет. — (Дерма-тиновая обложка, довольно топорно имитирующая старую кожу, бесхитростно перевязана красной ленточкой.) — Я скоро.

Я сижу на диване. Альбом лежит на коленях непривычным грузом. У меня такое чувство, будто я лезу в чужую тайну. Но я говорю себе: что бы ни находилось внутри, этот альбом вручил тебе твой муж.

Развязываю ленту и открываю где-то в середине. Фотография: мы с Беном, гораздо моложе, чем сейчас.

Я с силой захлопываю альбом. Нервно глажу переплет, пролистываю насквозь. *Я должна заполнять его каждый день.*

Невозможно представить. Я уверена, это какая-то чудовищная ошибка, и все же ошибки нет. Вот она, правда — в зеркале наверху, в морщинистых руках, которые поглаживают сейчас альбом. Оказывается, я совсем не та, какой себя представляла, проснувшись утром.

Но кто же это был? Кто та женщина, которая проснулась в незнакомой постели и думает только о том, как сбежать? Я закрываю глаза. Меня словно уносит поток. Не за что ухватиться. Я чувствую потерянность.

Надо найти зацепку. Я изо всех сил пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь определенном, значительном. Потеряно так много лет моей жизни.

Альбом поможет мне понять, кто я на самом деле, но я не хочу открывать его. Не сейчас. Хочу немного посидеть просто так, без прошлого, точнее, с прошлым, которое погрузилось в туман. Побывать где-то между возможным и реальным. Я боюсь узнать свое прошлое. Узнать, что у меня было и чего не было.

Входит Бен, ставит на столик поднос. Тосты, две чашки кофе, молочник.

— Все нормально? — спрашивает он, и я киваю.

Он садится рядом. Уже выбритый, в брюках, рубашке и галстуке он больше не напоминает мне отца. Скорее работника банка или офиса. «А он ничего», — проносится мысль, но я гоню ее прочь.

— И что, так каждый день? — спрашиваю я.

— В целом да. — Он берет тост, намазывает маслом. — Хочешь? — Я мотаю головой, и он откусывает кусочек. — Обычно ты все помнишь, пока бодрствуешь, но во время сна почти все забываешь... Кофе вкусный?

Я говорю, что очень. Он берет у меня альбом.

— Это что-то вроде твоего дневника. Несколько лет назад у нас случился пожар, сгорело много фотографий, других вещей. Но кое-что сохранилось. — Он показывает на первую страницу. — Это твой диплом. И твоя фотография в день окончания учебы.

Я рассматриваю фотографию. Я на ней улыбаюсь, щурясь на солнце, на мне черная мантия и фетровая

шляпа с золотой тесьмой. Сзади меня, отвернувшись от камеры, стоит какой-то мужчина в костюме с галстуком.

— Это вы? — спрашиваю я.

— Нет, — улыбается он, — мы разного выпуска. Я тогда еще продолжал учебу. Химия.

Я поднимаю на него глаза:

— Когда мы поженились?

Он поворачивается ко мне, берет руку в свои ладони, и я поражена тем, какие у него мозолистые, немолодые руки, совершенно непривычное ощущение.

— Через год после того, как ты защитила докторскую. Мы встречались уже несколько лет, но ты, ну, мы оба считали, что надо подождать, когда ты закончишь учебу.

Что ж, разумно, хотя это решение, по-видимому, исходило от меня. А хотела ли я вообще выходить за него?

— Мы были без ума друг от друга, — сказал он, словно читал мои мысли. — И до сих пор без ума.

Я не знаю, что на это ответить. Улыбаюсь. Он делает глоток кофе и снова обращает внимание на альбом, который лежит у него на коленях, переворачивает несколько страниц.

— Ты занималась английской филологией, — продолжает он. — После окончания учебы сменила несколько работ. Секретарь, менеджер по продажам... Помоему, ты сама не понимала, чем хочешь заниматься. Я получил диплом бакалавра и учился, чтобы стать преподавателем. Несколько лет было тяжело, но потом дела у меня пошли в гору, и в результате мы живем, как живем.

Я осматриваю гостиную. Комфортно, стильный дизайн. Преуспевающий средний класс. Над камином кар-

тина в раме, лесной пейзаж. На каминной полке рядом с часами — фарфоровые фигурки. Интересно, участвовала ли я в выборе интерьера?

— Я преподаю в средней школе в этом районе. Сейчас я завуч, — говорит Бен, но в его голосе ни тени гордости.

— А я кем работаю? — задаю я вопрос, хотя на самом деле знаю единственно возможный ответ.

Он сжимает мою руку:

— Ты оставила работу. После несчастного случая. Ты не работаешь. — И, видно почувствовав мое огорчение, добавляет: — Тебе и не нужно. Я неплохо зарабатываю на двоих, у нас все есть. Мы хорошо живем.

Я закрываю глаза, кладу руку на лоб. С меня довольно, я хочу, чтобы он заткнулся. Больше информации мне не переварить, и если он не замолчит, я в конце концов взорвусь.

«Что же я делаю целый день?» — вертится на языке, но мне страшно услышать ответ, а потому предпочитаю промолчать.

Бен доел тост и отнес поднос на кухню. Вернулся уже в пальто.

— Мне пора на работу. — (Я почувствовала беспокойство.) — Не волнуйся. Я тебе позвоню. Обещаю. Просто помни: сегодня такой же день, как и вчера. Все будет в порядке.

— Но... — начинаю я.

— Извини, пора бежать, — перебивает он. — Да, перед уходом мне надо объяснить тебе кое-что.

Мы идем на кухню, и он показывает, где что лежит, что в холодильнике можно съесть на обед, а еще пластиковую доску на стене, к которой на леске подвешен черный маркер.

— Я пишу для тебя напоминалки, — говорит он.

На доске одинаковыми ровными буквами написано: *Пятница* и ниже: *Стирка? Прогулка? (Взять телефон!) ТВ?* Под словом *Ланч* Бен написал, что в холодильнике есть немного лосося, и добавил: *Салат?* В конце приписал, что будет дома к шести.

— Еще у тебя есть ежедневник, — говорит он. — В сумочке. Там в конце важные номера телефонов и наш адрес, на случай если ты потеряешься. И еще мобильный.

— Что?

— Телефон. Только без проводов. Его можно носить с собой и пользоваться вне дома, где угодно. Обязательно возьми его, если решишь куда-нибудь пойти.

— Хорошо, — произношу я.

— Отлично! — Мы идем в прихожую, он берет поношенный кожаный портфель. — Ну все, я пошел.

— Ладно, — говорю я, не зная, что еще сказать.

Ощущаю себя ребенком, которого родители, уходя на работу, оставляют дома одного. Кажется, сейчас услышу: «Ничего не трогай! И не забудь принять лекарство!»

Он подходит и целует меня в щеку; я не отстраняюсь, но и не целую его в ответ. Он собирается открыть дверь и вдруг оборачивается.

— Ой, чуть не забыл! — слишком громко произносит он, причем с неестественно радостной интонацией.

Пожалуй, он переигрывает. Очевидно, он заранее приготовил этот маленький спектакль.

Все оказалось гораздо проще, чем я думала.

— Мы сегодня вечером уезжаем, — говорит Бен. — На выходные. У нас ведь годовщина, и я решил забронировать кое-что. Ты не против?

— С удовольствием, — киваю я.
Он улыбнулся как будто с облегчением:
— Я уже жду не дождусь. Подышим морским воздухом, а? Это пойдет нам на пользу. — Он поворачивается к двери. — Я позвоню тебе попозже. Проверить, как дела.
— Да, — отвечаю я. — Позвони, пожалуйста.
— Я люблю тебя, Кристин. Всегда помни об этом.
Он закрывает за собой дверь. Я возвращаюсь в гостиную.

Немного позже, около полудня. Я сижу в кресле. Посуда вымыта, тарелки аккуратно стоят в сушке. Белье крутится в машине. Я придумала, чем себя занять.

Но сейчас я чувствую опустошенность. Бен сказал правду. У меня нет памяти. Ничего не помню. В доме нет ни единой вещи, которую я бы помнила. Даже фотографии — ни вокруг зеркала, ни в альбоме — не вызывают никаких ассоциаций, и с Беном у меня не связано никаких воспоминаний, не считая нашего утреннего общения. Как будто моя память стерта.

Я закрываю глаза, пытаюсь вызвать что-нибудь из небытия. Хоть что-нибудь. Вчерашний день. Прошное Рождество. Любое Рождество. Свою свадьбу. Ничего.

Встаю, брожу по дому. Из комнаты в комнату. Медленно, словно дрейфуя. Веду рукой по стенам, по столам, по изгибам мебели... Но на самом деле ничего не ощущаю. *Как же так получилось?* Я размышляю. Рассматриваю ковры, разноцветные половички, фарфоровые фигурки на каминной полке, коллекцию декоративных тарелок на стене в кухне. Пытаюсь внушить себе, что это мое. Все это — мой дом, мой муж, моя жизнь. Но

нет, это не принадлежит мне. Открываю шкаф в спальне, в нем висит незнакомая мне одежда — аккуратно, словно пустая оболочка некой женщины-невидимки. Женщины, в дом которой я проникла, попользовалась мылом и шампунем, надела халат и тапочки. Она затаилась во мне, как призрак, холодный и неприступный. Утром я со странным чувством перебирала белье в ящике, рассматривала трусы, лежавшие вперемешку с колготками и чулками, как будто боялась, что меня застукают. Когда я обнаружила в глубине шелковые трусики, колготки и чулки, мне стало ужасно неловко: такое белье покупают не только для себя. Наконец, положив все обратно в том же виде, я выбрала бледно-голубые трусики и подходящий лифчик, натянула плотные колготки, надела брюки и блузку.

Потом я села за туалетный столик, чтобы хорошенько рассмотреть свое лицо. Я осторожно подняла глаза на отражение в зеркале. Я разглядывала морщины на лбу и мешки под глазами, улыбнулась, увидела свои зубы, тонкие морщинки в уголках рта, «птичьи лапки» вокруг глаз. Я заметила пигментные пятна на коже, а на лбу странное бледное пятно, напоминающее не до конца прошедший синяк. Я нанесла немного тонального крема. Потом чуть-чуть пудры и румян. Мне представилась женщина — моя мать, как я понимаю, называвшая это боевой раскраской. И сегодня, после того как я наредила губы и ресницы, это выражение было точно к месту. Я действительно ощущала, что готовлюсь к некой битве или битву готовят для меня.

Отправить меня в школу. Сесть и накраситься. Я пытаюсь представить еще какие-нибудь действия мамы. Но безрезультатно. Только какое-то марево, бездонные

провалы между крохотными островками воспоминаний, годы, ушедшие в никуда.

В кухне я открываю шкафчики: упаковки пасты, пачки риса «Арборио», банки фасоли. Я не знаю этих марок. Я помню, как ела тост с сыром, рыбу на пару, сэндвичи с солониной. Я беру наугад банку с надписью «Молодой горошек» и пакетик с каким-то кускусом. Понятия не имею, что там внутри, и уж тем более — как это готовить. Как я выкручиваюсь, хозяйка дома?

Смотрю на чистую доску, которую показал перед уходом Бен. Слишком много слов было на ней написано, стерто, написано поверх, исправлено, и от каждого остался еле заметный след. Интересно, что я прочитала бы, если бы «вскрыла» все слои, до самого начала, расшифровав таким образом свое прошлое, но понимаю, что это ничего не дало бы. Уверена, я бы обнаружила краткие напоминалки да списки покупок и домашних дел.

Неужели это вся моя жизнь? И это все, что у меня есть? Я беру фломастер и пишу: *Упаковать дорожную сумку к вечеру?* Ничего выдающегося, зато надпись моя.

Послышался какой-то звук. Мелодия. Прямо из моей сумочки. Открываю ее и высыпаю все содержимое на диван: кошелек, пачка салфеток, ручки, помада, компактная пудра, чек за два кофе... И ежедневник. Размером с ладонь, на обложке — цветочный орнамент, в переплет вставлена ручка.

Нахожу телефон, который, как я понимаю, описывал Бен: он маленький и пластиковый, какой-то игрушечный. Звенит звонок, мигает экран. Я нажимаю, как мне кажется, на нужную кнопку.

— Алло, — говорю я.

Мне отвечает незнакомый мужской голос:

— Алло. Кристин? Это Кристин Лукас?

Мне не хочется отвечать. Фамилия звучит для меня так же незнакомо, как и имя. Мне вдруг кажется, что небольшой участок твердой почвы, который я обрела, превратился в зыбучий песок.

— Кристин, вы меня слышите?

Кто это может быть? Кто знает, где я и кто я такая? Но я понимаю: это может быть кто угодно. Чувствую, как мной овладевает паника. Палец тянется к кнопке, чтобы выключить телефон.

— Кристин, это я, доктор Нэш. Ответьте, пожалуйста.

— Кто это? — спрашиваю я, хотя имя мне незнакомо.

Человек отвечает уже по-другому, как будто с облегчением:

— Это доктор Нэш, я ваш врач.

Я снова напрягаюсь.

— Врач? — Мне хочется добавить, что я не больна, но даже в этом я не уверена. У меня вдруг резко начинает кружиться голова.

— Да, — говорит мужчина. — Вы не волнуйтесь, мы пытаемся разбудить вашу память. Все хорошо.

Я отмечаю, что он говорит в настоящем времени — «пытаемся». Значит, это еще один человек, которого я не помню.

— Что значит *пытаемся*?

— Мы вместе хотим достигнуть улучшения. Понять, что конкретно вызвало провалы в вашей памяти, и можем ли мы повлиять на это состояние.

Вроде все логично, хотя у меня тут же возникает новая мысль: почему Бен не упомянул о враче сегодня утром?

— Вот как? А что именно мы делаем? — спрашиваю я.
— Мы с вами регулярно встречаемся уже несколько недель. Приблизительно два в неделю.

Звучит неправдоподобно. Человек, с которым я якобы встречаюсь регулярно, но которого совершенно не помню.

Простите, но мы с вами не знакомы, хочется мне ответить. Я не знаю, кто вы такой.

Но я молчу. То же самое я могла бы сказать и мужчине, рядом с которым проснулась, а ведь он оказался моим мужем.

— Я вас не помню.

— Не волнуйтесь, я это знаю, — произносит он с особой мягкостью.

Если он говорит правду, то, должно быть, действительно все понимает. Он утверждает, что наша очередная встреча назначена на сегодня.

— Сегодня?! — восклицаю я и снова вспоминаю утренний разговор с Беном, список намеченных дел на доске в кухне. — Но мой муж ничего мне не сказал. — И тут понимаю, что впервые назвала Бена своим мужем.

Пауза. Затем доктор Нэш говорит:

— Боюсь, Бен не знает о наших встречах.

Я, конечно, замечаю, что он знает имя моего мужа.

— Как это может быть?! Он бы обязательно предупредил меня.

— Пожалуйста, поверьте мне, — просит доктор Нэш и вздыхает. — Я могу все объяснить вам при встрече. Мы с вами достигли больших успехов.

«При встрече». Интересно, как это возможно? Сама мысль о выходе из дому без Бена, даже если этот врач знает, где я живу и кто я, внушает мне ужас.

— Простите, но я не могу.

— Кристин, это важно. Если вы посмотрите в ежедневник, то убедитесь, что я говорю правду. Вы нашли его? Он должен быть в вашей сумочке.

Я беру книжку из кучи вещей на диване. На обложке с цветочным орнаментом золотыми буквами отпечатан год: 2007. И это повергает меня в шок. На двадцать лет позже, чем надо.

— Нашла.

— Посмотрите на сегодняшнюю дату, тридцатое ноября. Там запись о нашей встрече.

Я не понимаю, как сегодня может быть ноябрь, а завтра декабрь, но листаю тонкие, как папиросный лист, странички до нужной даты. Вижу между страницами обрывок бумаги, на котором незнакомым почерком написано: *30 ноября — встреча с д-ром Нэшем. И ниже: Не говорить Бену.* Интересно, видел ли это Бен, роется ли он в моих вещах?

Нет, решаю я, с какой стати! Остальные страницы пусты. Ни дней рождений, ни вечерних планов, ни гостей. Неужели здесь вся моя жизнь?

— Хорошо, — говорю я.

Доктор сказал, что заедет за мной, что он знает адрес и будет через час.

— Но мой муж...

— Не бойтесь. Вы вернетесь домой задолго до его прихода. Гарантирую.

Бьют часы на каминной полке, я оборачиваюсь. Они под старину — большой циферблат в деревянном ящике, римские цифры. На часах половина двенадцатого. Рядом лежит маленький серебряный ключик, видимо от них. Бен должен заводить часы каждое утро. Они

действительно старые, даже интересно, откуда они у нас появились. А может, у них нет никакой истории, во всяком случае, связанной с нами, а мы просто увидели их на рынке или в комиссионном магазине и одному из нас они приглянулись. Скорее всего, Бену, тут же решаю я. Мне эти часы не нравятся.

Ладно, думаю я, увижусь с ним, а вечером, как только Бен вернется домой, все ему расскажу. Не могу поверить, что скрываю от него нечто настолько важное. Учítывая, как сильно я сейчас от него завишу.

Однако голос доктора Нэша мне странным образом знаком. И в отличие от Бена он не кажется абсолютно чужим. Более того, я понимаю, что мне легче поверить ему, чем своему мужу.

Он сказал: «Мы с вами достигли больших успехов». Я должна узнать, что он имеет в виду.

— Хорошо, — говорю я. — Приезжайте.

Доктор Нэш сразу предложил пойти куда-нибудь выпить кофе: «Вы не против?» Он сказал, что нет смысла ехать обратно к нему в офис — мол, он просто хочет поговорить.

Я киваю, соглашаясь. Когда он приехал, я была в спальне и видела оттуда, как мужчина вышел из машины, пригладил волосы, одернул пиджак, подхватил портфель. «Нет, это не он», — подумала я, когда он кивнул грузчиком неподалеку, но вот он направился к нашему дому. Какой молодой, слишком молодой для врача! А еще... не ожидала, что он будет так одет: спортивная куртка и серые вельветовые брюки.

— В конце улицы начинается парк, — говорит он. — Кажется, там есть кафе. Можем пойти туда.

Уотсон С. Дж.

У 65 Прежде чем я усну : роман / С. Дж. Уотсон ; пер. с англ. А. Финогеновой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-17593-8

Каждое утро Кристин Лукас просыпается в незнакомой комнате, рядом с незнакомым мужчиной. Она смотрит на себя в зеркало и не узнает свое тело, ведь оно выглядит старше на двадцать лет. Каждое утро этот мужчина объясняет Кристин, что он ее муж Бен, а она страдает формой амнезии, при которой все старые воспоминания утрачены, а новые не сохраняются. По совету врача Кристин втайне от мужа начинает вести дневник и записывает в него все то, что ей удастся узнать и вспомнить в течение дня, стараясь воссоздать свое прошлое и тот роковой случай, который лишил ее памяти. Однажды утром она открывает дневник и видит, что написала три неожиданных и страшных слова: «Не верь Бену». Внезапно все, что сказал ее муж, кажется Кристин подозрительным. Какой несчастный случай вызвал ее состояние? Кому она может доверять? Почему Бен лжет ей?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

С. ДЖ. УОТСОН

ПРЕЖДЕ ЧЕМ Я УСНУ

Ответственный редактор Ольга Рейнгевеpp
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анна Быстрова, Ольга Золотова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.12.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 26. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RBD-26138-01-R